

УДК 1:004.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-498-505><https://elibrary.ru/hniqew>

Поступила: 04.11.2025

Принята: 19.11.2025

Опубликована: 26.12.2025

МОЖЕТ ЛИ ИИ БЫТЬ СУБЪЕКТОМ ТВОРЧЕСКОГО СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ?

Стельмахов Денис Александрович

Институт философии РАН (Москва),

Московский авиационный институт (Москва)

Статья исследует вопрос о том, может ли искусственный интеллект (ИИ) выступать субъектом творческого смыслопорождения, и показывает, что традиционная постановка проблемы основана на ошибочной бинарности («человек VS инструмент» или «естественное VS искусственное»). Автор анализирует феноменологическую критику (Д. Сёрл, Х. Дрейфус), прагматическую концепцию интенциональной установки (Д. Деннет) и постгуманистические подходы (Р. Брайдотти, Д. Харауэй), выявляя ограничения классического гуманистического понимания субъектности. Используя концепции сложностного мышления Э. Морена и акторно-сетевой теории Б. Латура, в статье показано, что творческое действие в условиях ИИ представляет собой рекурсивный, диалогический процесс, распределенный между человеческими и нечеловеческими актантами. ИИ рассматривается не как автономный автор, но как активный генеративный агент, создающий «организующий беспорядок» и перекомбинирующий заложенные в него культурные формы. Человек, в свою очередь, обеспечивает интенциональность, контекст, ценностное суждение и этическую ответственность. В статье используется концепция «гибридного субъекта» — человеко-машинной системы, в которой смысл рождается в промежутке между человеческой интерпретацией и машинной генерацией. Особое внимание уделяется рискам предвзятости, «пролетаризации» навыков (Б. Стиглер) и утрате ремесленного знания в условиях работы с непрозрачными «аппаратами» (В. Флюссер). Доказывается, что вопрос о ИИ как субъекте смыслопорождения некорректен; вместо этого необходимо рассматривать распределенную, сетевую модель авторства и новую онтологию творчества в условиях мультиверсальной постчеловеческой культуры.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), смыслопорождение, творчество, со-творчество, субъектность, гибридный субъект, рекурсивность, акторно-сетевая теория, сложностное мышление, постгуманизм.

Для цитирования:

Стельмахов Д.А. Может ли ИИ быть субъектом творческого смыслопорождения? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 498–505. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-498-505>.
EDN: HNIQEW

CAN AI BE A SUBJECT OF CREATIVE MEANING-MAKING?

Denis A. Stelmakhov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow),
Moscow Aviation Institute (Moscow)*

The article examines whether artificial intelligence (AI) can function as a subject of creative meaning-making and argues that the traditional formulation of this problem relies on a mistaken binary opposition («human versus tool» or «biological versus artificial»). The author analyzes phenomenological critiques (J. Searle, H. Dreyfus), the pragmatic concept of the intentional stance (D. Dennett), and posthumanist approaches (R. Braidotti, D. Haraway), revealing the limitations of the classical humanist understanding of agency. Drawing on Edgar Morin's complexity thinking and Bruno Latour's actor-network theory, the article shows that creative action in the context of AI is a recursive, dialogical process distributed across human and non-human actants. AI is viewed not as an autonomous author but as an active generative agent that produces «organizing disorder» and recombines the cultural forms encoded within it. Humans, in turn, provide intentionality, contextual framing, evaluative judgment, and ethical responsibility. The article employs the concept of a «hybrid subject» — a human-machine system in which meaning emerges in the interval between human interpretation and machine generation. Particular attention is given to the risks of bias, the «proletarianization» of skills (B. Stiegler), and the loss of craftsmanship in the context of working with opaque «apparatuses» (V. Flusser). The study concludes that the question of AI as a subject of meaning-making is itself incorrect; instead, one must consider a distributed, network-based model of authorship and a new ontology of creativity within a multiversal posthuman culture.

Keywords: artificial intelligence (AI), meaning-making, creativity, co-creation, agency, hybrid subject, recursive loop, actor-network theory, complexity thinking, posthumanism.

To cite:

Stelmakhov D.A. [Can AI be a subject of creative meaning-making?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 498–505 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-498-505>, EDN: HNIQEW

Введение

Идея мультиверса, возникшая в космологии, сегодня становится междисциплинарным понятием «и демонстрирует свою эвристичность далеко за пределами естествознания» [Князева Е.Н., 2022, с. 122]. В культурной перспективе мультиверс позволяет осмыслить множественность сообществ, практик и ценностей как сосуществование различных «смысловых миров». Е.Н. Князева подчеркивает: «Миры жизни, восприятия и действия живых организмов — это смысловые миры. Семиозис создает умелы. [...] Вообще говоря, нет единого мира, но есть множество жизненных и смысловых миров разных людей» [Князева Е.Н., 2022, с. 130]. Это положение можно перенести и на

культуру: она существует не как единая система, а как совокупность взаимодействующих смысловых миров, которые могут быть когнитивно замкнутыми, но при этом вступать во взаимодействие.

В цифровую эпоху эта концепция приобретает особое звучание. Социальные медиа, цифровые платформы и экосистемы, а также алгоритмические «эхо-камеры» активно конструируют и поддерживают эти разрозненные «смысловые миры». Они существуют параллельно, каждый со своим набором истин, ценностей и эстетических кодов. В этом контексте появление искусственного интеллекта (ИИ) как мощной силы в творческих практиках представляет серьезный философский и культурный вызов. Системы ИИ, обученные на огромном объеме оцифрованной

человеческой культуры, действуют как демон Лапласа: с одной стороны, они способны комбинировать и воспроизводить все предшествующие формы смысла, а с другой — у них отсутствуют сознание, жизненный опыт и собственные намерения, которые мы обычно считаем необходимыми для порождения смысла. Как же машина может участвовать в создании смысла? Этот парадокс поляризует дискурс, загоняя его в две тупиковые позиции.

Первая — позиция «ИИ-инструмента». В этой парадигме ИИ — не более чем усовершенствованный молоток или кисть. Он не обладает субъектностью, является пассивным продолжением воли человека. Этот взгляд удобен, но он не способен объяснить эмерджентные и непредсказуемые результаты, которые ИИ привносит в творческий процесс, и то, как он активно трансформирует замысел творца.

Вторая — позиция «ИИ-конкурента». Это алармистский взгляд, предвещающий «смерть автора» и замену человеческого творчества машинным. Здесь ИИ антропоморфизмуется, ему приписывается квази-субъектность, и это ведет к бесплодным спорам о том, «думает» ли машина или «чувствует» ли она [Черкашина О.В., 2025].

Для преодоления данного парадокса требуется выход за рамки укоренившегося дуализма «человек – инструмент», или в более широком смысле «естественное – искусственное».

Философские споры о субъекте и машине

Прежде чем выстроить нашу модель, необходимо обратиться к философскому фундаменту, на котором зиждется сам вопрос о «мыслящей машине». Этот ландшафт определяется тремя ключевыми поворотами: феноменологической критикой, аналитическим прагматизмом и постгуманистической деконструкцией.

Хуберт Дрейфус в своей критике возможностей ИИ опирается на феноменологию Хайдеггера. «Знание» ИИ чисто синтаксическое: мастерское владение формой и корреляцией, лишённое семантического осмысления. Проблема ИИ, по Дрейфусу, не в том, что у него нет «души», а в том, что у него нет тела. Оно фундаментально воплощенное, ситуативное и контекстуальное [Дрейфус Х., 1978]. Человеческое знание — это не набор фактов, а «схватывание» ситуации, телесное «бытие-в-мире». Машина может «знать», что «Звездная ночь» статисти-

чески ассоциируется с именем Ван Гога, но она никогда не видела ночного неба и не испытывала трепет или страх.

Аргумент Джона Сёрла в его знаменитом мысленном эксперименте «Китайская комната» также достаточно прост и изящен: человек, сидящий в комнате и манипулирующий китайскими иероглифами по книге правил, будет выдавать осмысленные ответы, не понимая при этом ни слова по-китайски [Searle J.R., 1980]. Для Сёрла это доказывает, что ИИ (как и человек в комнате) оперирует чистым синтаксисом, будучи полностью лишенным семантики. У машины нет понимания, нет интенциональности (в феноменологическом смысле). Эти аргументы убедительны для демонстрации того, почему ИИ не может быть субъектом в классическом гуманистическом смысле. Он лишен воплощенности и семантического ядра.

Дэниел Деннет предлагает прагматичный выход. Чтобы понять сложную систему (будь то человек, животное или компьютер), мы можем принять «интенциональную установку» — т.е. мы решаем относиться к ней, как если бы у нее были убеждения, желания и намерения [Деннет Д.К., 2004]. Когда мы говорим, что «компьютер хочет победить меня в шахматы», мы не приписываем ему сознание. Мы используем удобный язык для прогнозирования его поведения. В нашем контексте, творец, работающий с ИИ, неизбежно принимает интенциональную установку: он «просит» ИИ, «спорит» с ним, «удивляется» его находкам. Это не антропоморфизм, а продуктивная рабочая стратегия.

Феноменологическая критика и аналитический подход все еще работают в рамках дуализма «человек VS машина». Постгуманизм же предлагает радикально иной взгляд, который и является ключом к разрешению проблемы. Роззи Брайдотти призывает к деконструкции «гуманистического индивида». Творческий процесс становится тем, что она назвала бы новой формой субъективности — трансверсальным ансамблем [Брайдотти Р., 2021] — динамической гибридной сборкой, в которой смысл возникает в сквозном взаимодействии разнородных элементов (в данном случае в рамках системы «человек – ИИ»). Но еще раньше Донна Харауэй в «Манифесте киборгов» провозгласила киборга — гибрид организма и машины — центральной фигурой нашей онтологии [Харауэй Д., 2017]. Киборг разрушает границы меж-

ду человеком и машиной, естественным и искусственным. Если мы принимаем постгуманистическую оптику, то «гибридный субъект» — это не футуристическая аномалия, а норма нашего существования. Наш «гибридный субъект» («человек – ИИ») — это киборг XXI века, и вопрос не в том, может ли машина быть субъектом, а в том, как конфигурируется новая гибридная субъектность.

Сложностное мышление и акторно-сетевая теория как ключ к парадоксу

Именно для описания этой гибридной, киборгической субъектности нам необходимы инструменты сложностного мышления Эдгара Морена и акторно-сетевой теории Бруно Латур. Как показал Латур, агентность распределена по сетям человеческих и нечеловеческих актантов. Он настаивает на «принципе симметрии»: мы не должны априори считать, что человеческие акторы важнее или реальнее, чем нечеловеческие. Актанты могут включать любое звено, влияющее на процесс. Агентностью обладает все, что заставляет других действовать иначе, меняет ход событий [Латур Б., 2014]. В этом смысле дорожный «лежачий полицейский», светофор или вирус являются актантами. С этой точки зрения ИИ — активный участник, нечеловеческий актант, изменяющий ход творческого процесса.

Но если Латур дает нам онтологию (сеть актантов), то у Морена мы находим динамику (как эта сеть живет и порождает новое). Концепция сложностного мышления предоставляет важнейшие инструменты для ее понимания. Для нашего анализа ключевыми являются три принципа:

1) диалог (конфликт и взаимодействие разных начал). Творчество с ИИ — это диалогика между человеческой семантикой (смыслом) и машинным синтаксисом (формой);

2) рекурсия (взаимогенерация причин и следствий). В творческом акте человек-оператор (причина) создает запрос, ИИ (следствие) выдает результат (продукт). Но этот результат немедленно становится причиной для нового, уточненного запроса, изменяя самого оператора (производителя);

3) голографический принцип (целое присутствует в каждой части), который позволяет рассматривать совместное творчество человека и ИИ как сложную эмерджентную систему, в ко-

торой ключевым моментом является процесс (вместо привычного нам результата) [Морен Э., 2021, с. 162].

В действительности принцип диалогии можно развить дальше. Для Морена сложностная система питается конфликтом и неопределенностью. Он настаивает на том, что сложные системы (такие как жизнь или творчество) существуют «на краю хаоса» и нуждаются в «шуме» для своего развития. Именно здесь «нечеловеческая» природа ИИ приобретает решающее значение, когда мы говорим о со-творчестве. ИИ — это генератор «организующего беспорядка». Его ошибки, галлюцинации или статистически неожиданные ходы — это тот самый «шум», который, с точки зрения Морена, является сырьем для создания нового, более высокого уровня организации. В рекурсивной петле «человек – ИИ» человек-актант интерпретирует «шум» машины и превращает его в смысл.

Таким образом, гибридный субъект постоянно использует непредсказуемость ИИ для самопроизводства и порождения нового, эмерджентного смысла. И в этом случае изначальный вопрос о ИИ как субъекте смыслопорождения сменяется на поиск того, как смысл возникает в процессе взаимодействия человека и ИИ.

Природа «знания» ИИ

Первый шаг к деконструкции парадокса смыслопорождения — понять природу «знаний» машины. Современные генеративные модели ИИ (большие языковые модели, модели диффузии и пр.) обучаются на беспрецедентных объемах данных о человеческой культуре. Процесс обучения создает многомерную статистическую карту нашего коллективного культурного продукта — огромное скрытое пространство, где каждое слово, изображение и стиль существуют во взаимосвязи. В этом смысле ИИ воплощает операционализированный постмодернизм: он является виртуозом пастиша, сложной рекомбинации и «цитирования без цитирования». Как отмечалось во введении, ИИ действует как демон Лапласа культуры, обладая обширной, хотя и статистической, моделью переданной ему вселенной смыслов.

Когда мы просим ИИ нарисовать кошку в стиле Кандинского, он не «понимает» ни кошку, ни Кандинского. Он находит статистическую середину в этом скрытом пространстве между векторами «кошка» и «стиль Кандин-

ского». Поэтому генерация ИИ — это лишь акт сложного завершения паттерна. Здесь крайне эвристичной оказывается концепция Вилема Флюссера. Он описывает «аппараты» (например, фотоаппарат) как «черные ящики», которые реализуют заложенную в них программу. Человек, использующий аппарат, — «функционар», который играет с программой [Флюссер В., 2025, с. 15–16].

ИИ — это идеальное воплощение такого символического аппарата. Его программа — это его статистическая модель. Его цель — не физический труд, а создание, обработка и хранение символов. Когда «функционар» (пользователь) взаимодействует с ИИ, он не «работает» в индустриальном смысле (как *Homo faber*), а «играет» (как *Homo ludens*). Программа аппарата (статистическая модель ИИ) предлагает конечное, хотя и почти безграничное, число возможностей. Интерес «функционара» сконцентрирован не на мире, а на самом аппарате. Мир (например, «кошка» в запросе) становится лишь предлогом для реализации его возможностей. Если «функционар» просто следует программе (пишет банальные запросы), он получит лишь «среднестатистическое», предсказуемый пастиш. Но творчество (как порождение нового смысла) начинается тогда, когда «функционар» начинает играть против аппарата — использовать его сбои, неточности, пытается «вывести на свет скрытый в нем замысел» [Флюссер В., с. 29], заставив его реализовать ту возможность своей программы, которая еще не была открыта. Он «удивляет» машину, заставляя ее выдавать то, что не было статистически очевидным. Но возникает критический тупик: если ИИ — лишь комбинаторная машина, как он может быть источником чего-то по-настоящему нового? Ответ кроется в смещении единицы анализа. Вместо рассмотрения ИИ в качестве автономной сущности необходимо анализировать человека и машину вместе как единую сложную рекурсивную систему.

Со-творчество как итеративный процесс

Процесс со-творчества представляет собой итеративный диалог: человек формулирует запрос, ИИ генерирует ответ, который человек интерпретирует и на основе которого формулирует следующий, более точный запрос. Подобный обмен похож на игру в пинг-понг: смысл словно шарик перелетает от одного игрока к друго-

му. Шарик не замирает на месте и не является суммой отдельных точек (ударов) — он живет в непрерывном движении между ними. Именно в этом «между» — в самом перелете шарика — формируется смысл, который ни человек, ни машина не могли бы породить поодиночке.

Это и есть рекурсивная петля Морена: выход ИИ (сгенерированный контент) становится входом для следующего шага (интерпретации и доработки человеком). Первоначальная человеческая интенция преобразуется ответом машины и порождает новое, уточненное намерение — очередное направление для подсказки. Так создается петля обратной связи, в которой причина и следствие переплетаются, и каждое становится основой для другого [Морен Э., 2021, с. 162].

Более того, взаимодействие по сути диалогично и включает два вида интеллекта — человеческий и искусственный. Они не столько конкурируют, сколько дополняют друг друга. Человек и ИИ вносят в процесс разный вклад: человек задает вопрос «почему», обеспечивает контекст и ценностное суждение, тогда как ИИ задает вопрос «что», предлагая обширное нейтральное пространство формальных возможностей. Такое постгуманистическое сотрудничество порождает эмерджентный результат, невозможный для любой стороны в одиночку. Вместе они образуют гибридный субъект смыслопорождения, смещая акцент с классического образа единоличного автора на распределенный коллективный процесс. Аналогично тому, как Вальтер Беньямин в классическом эссе показал, что новые технологии трансформируют категорию искусства [Беньямин В., 1996], ИИ, помимо создания новых объектов, перестраивает сам творческий процесс.

В этой системе ИИ выступает мощным катализатором дистанцирования. Обработывая и перекомбинируя культурные тропы через свою нечеловеческую призму, он делает знакомое чужим, выявляет скрытые закономерности и создает неожиданные сочетания, разрывая привычные когнитивные шаблоны человека. Это открывает новые эстетические пространства. Человек же, направляя и интерпретируя результаты ИИ, придает им мирской контекст и интенциональность, «приручая» эксцентричные творения машины обратно в сферу человеческого дискурса, при этом обогащая их новыми формами.

Динамика гибридного смыслопорождения

Вышесказанное подводит к ключевому вопросу: может ли ИИ считаться агентом? Акторно-сетевая теория Бруно Латура дает ответ без антропоморфизма. Согласно этой теории, агентность — не имманентное свойство людей, а характеристика всего, что меняет ход событий. Актанты влияют на процесс [Латур Б., 2014, с. 101]. В строгом смысле ИИ без сомнения является нечеловеческим актантом. В творческой сети он обладает агентностью, но не субъектностью: он активно опосредует, трансформирует и направляет замысел творца. У него нет сознания или желаний, как у человека, но он оказывает реальное, измеримое и зачастую решающее влияние на процесс и результаты творчества. Такая перспектива позволяет обойти типичный спор об авторстве. Последний — это реликт гуманистического индивидуализма. Акторно-сетевая теория показывает, что авторство всегда распределено. Ни один автор не является «одиноким гением»; он всегда со-творит с языком, культурой, издателями, технологиями (от пера до компьютера). ИИ — просто новый, но очень активный актант в этой сети.

Однако эта гибридная модель не является утопической. Она несет в себе фундаментальные риски, которые необходимо артикулировать. Наш демон Лапласа обучен на нашей культуре, со всеми ее предрассудками, и если обучающие данные полны дискриминации, расизма или сексизма, то ИИ как «виртуоз пастиша» будет лишь рекомбинировать и усиливать эту предвзятость [Noble S.U., 2018; Харитонов Ю.С. и др., 2021; Талапина Э.В., 2022]. Гибридный субъект рискует стать машиной по производству «среднестатистической» банальности или «среднестатистической» ненависти. Философ Бернар Стиглер [Stiegler B., 2016] рассматривал технологию как фармакон — одновременно яд и лекарство. «Лекарство» ИИ — в расширении наших возможностей. «Яд» — в том, что, делегируя машине знание-как (*savoir-faire*), человек теряет его. Художник, полагающийся на ИИ, рискует превратиться из мастера в «оператора», в «функционера» (по Флюссеру), утратившего собственное ремесло.

«Функционер» владеет аппаратом, поскольку контролирует его внешнюю сторону (*input* и *output*). Он знает, как «начинить аппарат» (ввести промпт) и «добиться от него результата»

(получить генерацию). Но при этом он подчиняется аппарату из-за его непрозрачности [Флюссер В., 2025, с. 30]. Пользователь ИИ «владеет игрой, в которой он не может быть компетентен» [Флюссер В., 2025, с. 35–36]. Именно в этом и кроется риск «пролетаризации», о котором говорит Стиглер. Человек и аппарат у Флюссера «сливаются в единое целое», образуя «функционера». Но в этом слиянии человек рискует утратить свое знание-как, делегировав его непрозрачному «черному ящику». Он становится мастером интерфейса (входа и вывода), но полностью теряет контроль над внутренним процессом порождения смысла, который теперь принадлежит аппарату.

Эти риски не отменяют модель гибридного субъекта, но показывают, что человеческий актант в этой связке должен брать на себя помимо интенции еще и этическую ответственность, осуществляя критический «оценочный отбор».

Следовательно, вопрос «может ли ИИ быть субъектом?» сам по себе некорректен. Более продуктивно спрашивать: «Какова природа деятельности ИИ в рамках совместного творческого объединения, и как эта деятельность способствует возникновению смысла?» Работа ИИ связана с генеративными рамками: он раскрывает обширное, но в то же время статистически ограниченное поле возможностей, одновременно стимулируя и упорядочивая человеческое творчество. Роль человека заключается в сознательном оценочном отборе и целенаправленном обрамлении: человек задает цель, определяет контекст и придает создаваемым ИИ результатам смысл.

В соответствии с наблюдаемой коэволюционной динамикой, человеческое и искусственное в творчестве становится взаимоконstitutивным. Смысл не возникает в ИИ в изоляции, но и без ИИ он не может появиться полностью. Он формируется в промежуточном пространстве диалога, что подчеркивает распределенную природу творчества в постчеловеческом, мультиверсальном состоянии.

Заключение

Исследование вопроса о том, может ли ИИ быть субъектом творческого смыслопорождения, не дает однозначного ответа «да» или «нет». Вместо этого мы приходим к необходимости фундаментального переосмысления творческой субъектности. Первоначальный па-

радокс — существо, обладающее всей полнотой культурной формы, но лишенное осознанного намерения, — исчезает, когда мы перестаем искать единого человекоподобного автора и вместо этого сосредотачиваемся на динамике гибридной системы.

Как показано выше с позиций сложностного мышления Эдгара Морена и акторно-сетевой теории Бруно Латура, взаимодействие человека и ИИ в творческом процессе представляет собой рекурсивную диалогическую систему. В этой системе смысл рождается в результате итеративной обратной связи между человеческой интенцией и машинной генерацией. ИИ, выступая как современный демон Лапласа, является каталитическим нечеловеческим актантом: его агентивность, генеративная дезориентация и комбинаторные возможности активно формируют траекторию творчества. При этом он не субъект в гуманистическом смысле, а незаменимый агент в распределенной когнитивной сети. Человек-творец обеспечивает ключевые способности к контекстуальному пониманию, целенаправленному ограничению и оценочному суждению, направляя процесс и наполняя машинные результаты человеческим смыслом. Такое понимание выходит за рамки бинарных оппозиций «человек — инструмент», «естественный интеллект — искусственный интеллект» и открывает возможность новой онтологии творчества, где субъектом выступает гибридная система. Однако эта система несет риски дискриминации, предвзятости и «пролетаризации» навыков, а потому требует от человека-актанта новой этической и критической позиции.

В конечном счете, расцвет ИИ в творческих практиках не предвещает «смерть автора». Мы станем свидетелями рождения более сложной сетевой функции авторства. Это влечет за собой призыв к новому эстетическому восприятию, в рамках которого произведения оцениваются не по происхождению от одинокого гения, а через призму динамичного диалога между человеческим сознанием и ИИ, породившими эти произведения. В современной культурной мультивселенной (с которой мы начали), где миры фрактально дробятся, самые глубокие новые смыслы могут возникать не в изоляции, а в сложном рекурсивном взаимодействии между нами и созданными нами моделями.

Список литературы

- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Медиум, 1996. 240 с.
- Брайдоути Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис; под ред. В. Данилова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 408 с.
- Деннет Д.К. Виды психики: на пути к пониманию сознания / пер. с англ. А.А. Веретенникова; под общ. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
- Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума / пер. с англ. Н. Родман; под общ. ред. Б.В. Бирюкова. М.: Прогресс, 1978. 334 с.
- Князева Е.Н. Идея мультиверса: междисциплинарная перспектива // Философия науки и техники. 2022. Т. 27, № 2. С. 121–135. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-121-135>
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.
- Морен Э. О сложности / пер. с англ. Я.И. Свицкого. 2-е изд. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2021. 284 с.
- Талатина Э.В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 4–27. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.4.27>
- Флюссер В. О фотографии / пер. с нем. Г. Хайдаровой и др. 2-е изд. М.: Ad Marginem, 2025. 128 с.
- Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / пер. с англ. А.В. Гараджа. М.: Ad Marginem, 2017. 128 с.
- Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 488–515. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
- Черкашина О.В. Свобода воли и искусственный интеллект // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2025. № 1. С. 38–49. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2025-1-38-49>
- Noble S.U. Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism. N.Y.: New York University Press, 2018. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479833641.001.0001>

Searle J.R. Minds, brains, and programs // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, iss. 3. P. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0140525x00005756>

Stiegler B. *Automatic society*. Vol. 1: The future of work. Cambridge, UK: Polity Press, 2016. 280 p.

References

Benjamin, W. (1996). *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti: Izbrannyye esse* [The work of art in the age of mechanical reproduction. Selected Essays]. Moscow: Medium Publ., 240 p.

Braidotti, R. (2021). *Postchelovek* [Posthuman]. Moscow: Institut Gaidara Publ., 408 p.

Cherkashina, O.V. (2025). [Free will and artificial intelligence]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies]. No. 1, pp. 38–49. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2025-1-38-49>

Dennett, D.C. (2004). *Vidy psikhiki: na puti k ponimaniyu soznaniya* [Kinds of minds: Towards an understanding of consciousness]. Moscow: Ideya-Press Publ., 184 p.

Dreyfus, H. (1978). *Chego ne mogu vychislitel'nye mashiny. Kritika iskusstvennogo razuma* [What computers can't do. A critique of artificial reason]. Moscow: Progress Publ., 334 p.

Flusser, V. (2025). *O fotografii* [Towards a philosophy of photography]. Moscow: Ad Marginem Publ., 128 p.

Haraway, D. (2017). *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskyy feminizm 1980-kh* [The cyborg manifesto: Science, Technology, and so-

cialist-feminism in the late twentieth century]. Moscow: Ad Marginem Publ., 128 p.

Kharitonova, Yu.S., Savina, V.S. and Pagnini, F. (2021). [Artificial intelligence's algorithmic bias: ethical and legal issues]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences]. Iss. 53, pp. 488–515. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>

Knyazeva, E.N. (2022). [The idea of the multiverse: an interdisciplinary perspective]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 27, no. 2, pp. 121–135. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-121-135>

Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social. An introduction to actor-network theory]. Moscow: HSE Publ., 384 p.

Morin, E. (2021). *O slozhnostnosti* [On complexity]. 2nd ed. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 284 p.

Noble, S.U. (2018). *Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism*. New York: New York University Press, 248 p. DOI: <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479833641.001.0001>

Searle, J.R. (1980). Minds, brains, and programs. *The Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 3, pp. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0140525x00005756>

Stiegler, B. (2016). *Automatic society. Vol. 1. The future of work*. Cambridge, UK: Polity Press, 280 p.

Talapina, E.V. (2022). [Artificial intelligence processing and risks of discrimination]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 15, no. 1, pp. 4–27. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.4.27>

Об авторе

Стельмахов Денис Александрович
аспирант,
Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;

ассистент кафедры философии,
Московский авиационный институт,
125993, Москва, Волоколамское шоссе, 4;

e-mail: denis.stelmakhov@mail.ru
ResearcherID: OVY-6305-2025

About the author

Denis A. Stelmakhov
Postgraduate Student,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;

Assistant Lecturer of the Department of Philosophy,
Moscow Aviation Institute,
4, Volokolamsk Highway, Moscow, 125993, Russia;

e-mail: denis.stelmakhov@mail.ru
ResearcherID: OVY-6305-2025